

Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные

© 2019

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; amoena@inbox.ru

Аннотация: Настоящая работа посвящена семантике форм предбудущего в языках Европы в контекстах референции к прошлому. Исследование основано на данных параллельных корпусов НКРЯ и анкетировании и выполнено на материале нескольких европейских языков, включающих романские (итальянский, французский и румынский), немецкий, балтийские (литовский и латышский), балканские славянские (болгарский, сербохорватский и чакавский диалект сербохорватского), а также албанский и новогреческий. В результате исследования выявлен широкий диапазон модально-эвиденциальных стратегий предбудущего: презумптив, инферентив, эндофорическая эвиденция и передача неосознаваемых действий, игноратив, миратив и дубитатив. Эти стратегии развиваются на основе способности предбудущего передавать эпистемическую дистанцию. Набор стратегий, по-видимому, универсален для всех рассмотренных языков. Более типично для предбудущего употребляться в эндофорических контекстах и для передачи неосознанных действий, а также в качестве маркера личной непрямой эвиденции в презумптивных и инферентивных контекстах, менее типично — в миративных и дубитативных контекстах.

Ключевые слова: балканские языки, балтийские языки, будущее время, европейский ареал, предбудущее, романские языки, славянские языки, таксис, эвиденциальность, эпистемическая модальность

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-34-01061-ОГН «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

Для цитирования: Пенькова Я. А. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 7–31.

DOI: 10.31857/S0373658X0007544-7

Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; amoena@inbox.ru

Abstract: The paper is dedicated to the semantics of future anterior with reference to the past in European languages. The study is based on the data from parallel corpora and on the questionnaire. Data from several European languages, such as Romance (French, Italian and Romanian), German, Baltic (Lithuanian and Latvian), Balkan Slavic (Bulgarian, Bosnian-Croatian-Serbian and its Čakavian dialect), Greek and Albanian, are taken into account. As a result, a wide range of different modal-evidential strategies of future anterior was identified, namely presumptive, inferential, ignorative, endophoric and unconscious, mirative and dubitative. They all develop from the epistemic source, viz. from the ability of the future anterior to express epistemic distance. It is more typical for the future anterior to be used as a marker of personal indirect evidence in presumptive, inferential, unconscious and endophoric contexts, but less typical in mirative and dubitative contexts.

Keywords: Balkan languages, Baltic, epistemic modality, European area, evidentiality, future, future anterior, Romance, Slavic, taxis

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 17-34-01061-OGN “Slavic future anterior in the typological perspective”

For citation: Penkova Y. A. Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 7–31.

DOI: 10.31857/S0373658X0007544-7

1. Вводные замечания

В языках европейского стандарта типична структура, объединяющая в себе показатели референции к будущему и таксиса (предшествования) и имеющая базовое значение предшествования моменту референции в будущем, — предбудущее (или второе будущее), например:

(1) **ФРАНЦУЗСКИЙ** [НКРЯ]

Alors ce sera merveilleux quand tu m'auras [иметь.AUX.FUT.2SG] *apprivoisé* [приручить.РТСР]! [Antoine de Saint-Exupéry. *Le petit prince* (1942)]

И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! [Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц* (Нора Галь, 1959)]

О семантике предбудущего в отдельных европейских языках существует довольно обширная литература, тогда как о его связях с другими категориями в широком типологическом контексте на сегодняшний день известно чрезвычайно мало. Это объясняется тем, что предбудущее не привлекало специального внимания, поскольку его значение признавалось чисто композиционным (см. обзор литературы в [Пенькова 2018a]). В последние годы появляются работы, в которых делаются попытки описать разнообразие некомпозиционных значений предбудущего и наметить некоторые типологические тенденции в этой области [Пенькова 2016; 2017; 2018a; Сичинава 2018; Сичинава, в печати]. В частности, в работе Я. А. Пеньковой [2018a] исследована грамматикализация предбудущего в истории славянских и некоторых других древних европейских языков. Предбудущему в современных романских языках посвящено еще не опубликованное исследование Д. В. Сичинавы [в печати].

Интерес к семантике предбудущего во многом обусловлен его склонностью к развитию вторичных употреблений. Помимо значения результативности / предшествования в будущем, предбудущее легко приобретает вторичные значения и дискурсивные функции, спектр которых при ближайшем рассмотрении оказывается довольно широким и безусловно заслуживает отдельного исследования. В грамматических описаниях, упоминающих предбудущее, как правило, помимо базового значения ‘результативности / предшествования / завершенности в будущем’ (1), у форм предбудущего отмечается способность называть ситуации, относящиеся к плану прошлого, т. е. выделяется значение ‘предположения о событии в прошлом’ (2):

(2) **ФРАНЦУЗСКИЙ** [Шишова 2014: 60]

Certains l'auront [иметь.AUX.FUT.3PL] *peut-être trouvé* [находить.РТСР] *long* <...> *mais pour ma part, je n'ai pas vu le temps passer.*

‘Возможно, некоторые **нашли** его [фильм] довольно длинным <...>, но лично я не заметил, как время прошло’.

Развитие таких эпистемических употреблений, в которых предбудущее выражает предположительную модальность, по-видимому, является типологически универсальной особенностью данной структуры, известной не только в европейских языках,

но и за пределами Европы, например в агульском [Майсак, Мерданова 2003: 86] и в уа-лягском кечуа [Weber 1989: 109]. Современный английский, не знающий таких употреблений предбудущего, на этом фоне выглядит, пожалуй, единственным исключением среди европейских языков, однако в художественных текстах XIX — середины XX в. и в американском английском еще можно было встретить эпистемическое предбудущее [Сичинава, устное сообщение], которое затем, видимо, было вытеснено модальным перфектом:

- (3) Английский
The reader will [AUX.FUT] have [иметь.AUX] guessed [угадать.РТСР] that they were husband and wife. [H. James. Lady Barberina]
 ‘Читатель [конечно] **догадался**, что они были муж и жена’.

В описаниях балканских языков по отношению к таким употреблениям предбудущего обычно используется термин *презумптив*. В некоторых языках, таких как, например, французский, эпистемические (презумптивные) употребления даже преобладают над базовыми, ср. цитату из диссертации А. Д. Шишовой [Шишова 2014: 59]: «Несмотря на название глагольной формы [futur antérieur — Я. П.], около 76 % употреблений в корпусе «пресса» и около 84 % употреблений в корпусе «отзывы» относится к событиям, произошедшим в прошлом относительно момента речи». Экспансия эпистемических употреблений предбудущего отмечается не только для современного французского, но и для немецкого (4) [Vater 1975: 99] и албанского (5) [Duchet 1995: 273] (хотя такая ситуация в современном немецком и албанском не подтверждается дальнейшим исследованием):

- (4) Немецкий
Sie werden [стать.AUX.FUT.3PL] gestern Abend gemerkt [заметить.РТСР] haben [иметь.AUX.INF], dass ich nicht sehr gesprächig war.
 ‘Вы, **должно быть, заметили** вчера, что я был не очень разговорчив’.
- (5) Албанский
Këtë që më tregove do [FUT] ta [SBJV] kesh [иметь.SBJV.PRS.2SG] parë [видеть.РТСР] në ëndëir.
 ‘Что ты мне сказал, ты, **должно быть, увидел** во сне’.

Эпистемические употребления предбудущего неоднородны и принадлежат семантическим зонам эпистемической модальности и эвиденциальности. Мы будем называть их также модально-эвиденциальными стратегиями. В своей монографии, посвященной эвиденциальности в языках мира, А. Айхенвальд [Aikhenvald 2004], описывая различные незвиденциальные грамматические показатели, которые в одной из своих вторичных функций могут выражать эвиденциальные значения, использует термин «эвиденциальные стратегии». Мы позволим себе использовать подобный термин для эпистемических употреблений предбудущего, дополнив его в связи со спецификой рассматриваемых форм. Причины того, почему предбудущее с легкостью развивает модально-эвиденциальные стратегии, кроются, по-видимому, в сочетании показателей футурума и перфекта, которые, согласно А. Айхенвальд, склонны к такому развитию независимо.

В существующей литературе о предбудущем перечисленные модально-эвиденциальные стратегии обычно не разграничиваются. В исследовании [Arkadiev, Wiemer, in prep.] такие стратегии названы инферентивными, а также эпистемическим расширением (epistemic extension) предбудущего. В балканской традиции принято говорить в этом случае о презумптивном значении. В албанистике, помимо презумптивного, у предбудущего выделяют также миративное значение. Единственным известным мне исследованием с более подробной классификацией модально-эвиденциальных употреблений предбудущего является корпусное исследование М. Морозовой о предбудущем в албанском языке [Морозова 2016].